

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Предпринимательское и трудовое право»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Правовое обеспечение предпринимательской деятельности

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц в деле о несостоятельности (банкротстве)

Студент

А.О. Таскаракова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

кандидат юридических наук, доцент Е.В. Чуклова

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Правовая природа субсидиарной ответственности и особенности правового положения контролирующих должника лиц.....	7
1.1 Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве	7
1.2 Понятие и критерии признания лица контролирующим должника.15	
Глава 2 Основания и условия привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве.....	25
2.1. Основания и условия привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности	25
2.2. Действие норм о субсидиарной ответственности во времени.....	39
Глава 3 Некоторые аспекты ответственности контролирующих лиц.. ..	46
3.1 «Снятие корпоративной вуали» как механизм привлечения к ответственности контролирующих лиц.....	46
3.2 Некоторые проблемы привлечения контролирующих лиц к ответственности.....	56
Заключение.....	62
Список используемой литературы и используемых источников.....	66

Введение

Возникновению института субсидиарной ответственности в делах о банкротстве способствовало отсутствие механизма, позволяющего эффективно противодействовать недобросовестному использованию института банкротства, в целях уклонения от исполнения юридическими лицами своих долговых обязательств.

Привлечение к уголовной ответственности по «банкротным» составам, традиционно находится, на достаточно низком уровне, чтобы говорить о том, что данный механизм не работает. Доля «банкротных» преступлений в структуре судимости за преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации) ежегодно составляет не более 1%.

С точки зрения раскрытия и расследования, «банкротные» преступления остаются одними из наиболее сложных. Это связано с высоким уровнем их латентности и недостатками уголовно-правового регулирования.

Привлечение же к субсидиарной ответственности, в настоящее время, является достаточно эффективным механизмом, позволяющим восстанавливать нарушенные права кредиторов.

С введением в 2017 г. в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. №127 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о несостоятельности (банкротстве)) новой главы III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве», отмечаются положительные тенденции в развитии института субсидиарной ответственности в Российской Федерации.

В работе проанализированы нормы действующего законодательства, рассмотрено, какие изменения привнесли в судебную практику нормы предусмотренные главой III.2 Закона о банкротстве, а также изучены проблемные вопросы, возникающие при применении механизма

субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в делах о банкротстве.

Целью настоящей работы является изучение специфики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве организаций, изучение существующих механизмов ее реализации на основе анализа судебной практики, а также выявление проблем и подготовка рекомендаций по расширению возможностей исполнения обязательств юридического лица в условиях несостоятельности.

Поставленная цель явилась основанием для формирования основных задач диссертационного исследования и путей их решения:

- изучить правовую природу субсидиарной ответственности контролирующих лиц в делах о банкротстве;
- рассмотреть критерии признания лица контролирующим, особенности его правового положения в деле о несостоятельности (банкротстве);
- рассмотреть основания и условия привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника - юридического лица;
- выделить положительные и отрицательные аспекты правового регулирования ответственности контролирующих лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов в деле о несостоятельности;
- провести сравнительный анализ зарубежного законодательства и иностранных судебных доктрин в части привлечения контролирующих лиц к ответственности по обязательствам несостоятельного юридического лица положения, для целей совершенствования отечественного правового регулирования субсидиарной ответственности в банкротстве.

Научная новизна работы заключается в том, что она затрагивает актуальную для юридической науки тему субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в деле о несостоятельности (банкротстве) и связанные с ней аспекты правового регулирования.

В результате проведенного теоретического исследования на защиту выносятся следующие положения:

- определение момента возникновения признаков объективного банкротства требует детального изучения деятельности должника, финансовые трудности в определенный момент, могут быть вызваны преодолемыми временными обстоятельствами;
- изменения, внесенные в Закон о несостоятельности (банкротстве) должны существенно повысить гарантии кредиторов, поскольку определение контролирующего должника лица в законе максимально расширилось;
- причастность реального бенефициара (выгодоприобретателя) к нарушению имущественных прав кредиторов достаточно сложно доказуемо. Очень часто, в случае зависимости арбитражных управляющих от бенефициаров должника, в процедуре банкротства могут иметь место недобросовестные действия. При наличии доступных сведений о контролирующих лицах, кредиторы смогли бы самостоятельно обращаться с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности, если арбитражный управляющий от предъявления требования уклоняется, либо занимает недостаточно активную позицию.

Объект исследования включает в себя общественные отношения, возникающие в связи с несостоятельностью юридического лица, складывающиеся между этим лицом, его кредиторами и контролирующими лицами, а также возникающие в связи с основным отношением отношения в сфере восстановления нарушенных прав кредиторов.

Предметом исследования являются нормы, регламентирующие в процедурах банкротства ответственность контролирующих лиц, а также и практика их применения.

Основу исследования составили общенаучные и сравнительно-правовые методы исследования. Использовались формально-юридический метод, метод сравнительного анализа, методы статистического анализа.

Практической базой для написания работы послужили: законодательные и нормативно-правовые акты Российской Федерации, судебные акты, письма Федеральной налоговой службы, публикации и монографии российских ученых в области юриспруденции, методические рекомендации, материалы из локальных сетей.

Сформулированные и обоснованные в ходе проведенного исследования выводы имеют практическую значимость, поскольку могут быть использованы при применении норм субсидиарной ответственности в деле о несостоятельности юридического лица. В частности, результаты исследования могут быть использованы практикующими юристами в арбитражном процессе, в научно-исследовательской деятельности и учебном процессе.

Глава 1 Правовая природа субсидиарной ответственности и особенности правового положения контролирующих должника лиц

1.1 Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве

Институт несостоятельности (банкротства) является одним из наиболее динамично развивающихся правовых институтов в современном праве, без которого невозможно существование и развитие экономики. Развитие самой экономики и хозяйственной деятельности предопределяет изменение и совершенствование, в том числе, и законодательства о несостоятельности (банкротстве).

Вопросы привлечения контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности всегда будет предметом пристального внимания, пока существует институт банкротства. До настоящего времени, не смотря на, казалось бы, устоявшуюся судебную практику, споры относительно того, добро субсидиарная ответственность или зло, не утихают.

Правовые нормы субсидиарной ответственности, впервые появились в Федеральном законе от 08.01.1998 №6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», вступившем в силу 1 марта 1998 года [13].

Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» до 30 июля 2017 года предусматривал общую модель привлечения к субсидиарной ответственности. Ее нормы регулировала статья 10 «Ответственность должника и иных лиц в деле о банкротстве».

Федеральным законом от 29.07.2017г. №266-ФЗ в Закон о несостоятельности (банкротстве) была введена глава III.2, в которой была сформирована новая модель правового алгоритма привлечения к

субсидиарной ответственности. Указанная глава была разработана с учетом сложившейся ранее правоприменительной судебной практики [14].

Презумпции, введенные пунктом 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве, содержат прямой вывод о том, что именно определенные действия (бездействие) контролирующего лица привели к невозможности полного погашения требований кредиторов должником, и соответственно их наличие избавляет заявителя от обязанности доказывать причинно-следственную связь между действиями контролирующих лиц и наступившими неблагоприятными последствиями, поскольку бремя доказывания обратного переложено на ответчика.

Таким образом, действующая редакция Закона о банкротстве не устанавливает новые основания для привлечения к субсидиарной ответственности, а содержит положения, которые раскрывают порядок доказывания [18].

Как отмечает И.В. Разумов, «положения специальной главы III.2 Закона о банкротстве, с одной стороны, особо не изменили прежнее правовое положение контролирующих лиц и кредиторов в материальном плане, с другой стороны, они оказали существенное влияние на процессуальные отношения по доказыванию, вызвали серьезные перемены в части, касающейся мотивировок судебных решений». «Именно детализация правил о доказывании дала кредиторам реальный шанс получить удовлетворение за счет причинителя вреда и привела к расцвету института субсидиарной ответственности [37].

21 декабря 2017 года Пленумом Верховного суда Российской Федерации принято Постановление №53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее - Постановление №53)[35].

Постановление №53 призвано обеспечить единство практики применения судами новых положений Закона о банкротстве, в части

привлечения к субсидиарной ответственности в делах о несостоятельности (банкротстве).

Как указал Верховный суд РФ субсидиарная ответственность является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов.

При применении данного механизма, судам необходимо учитывать как сущность конструкции юридического лица, предполагающую имущественную обособленность этого субъекта (п. 1 ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), его самостоятельную ответственность (ст. 56 ГК РФ), наличие у участников корпораций, учредителей унитарных организаций, иных лиц, входящих в состав органов юридического лица, широкой свободы усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений, так и запрет на причинение ими вреда независимым участникам оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица (ст. 10 ГК РФ). При привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в части, не противоречащей специальным положениям Закона о банкротстве, подлежат применению общие положения глав 25 и 59 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств и об обязательствах вследствие причинения вреда [4].

Как полагает Добрачев В.В., правовая природа положений законодательства о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц такова: это прежде всего ответственность, т.е. дополнительное обременение для контролирующих должника лиц. Это своего рода наказание за не соответствующее закону поведение в форме возмещения убытков, как в процедуре банкротства, так и вне его. В данном случае проявляется компенсационная функция данной ответственности. В процедурах банкротства за причинение вреда корпорации контролируемыми должника лицами наступает ответственность, схожая с деликтной, в форме возмещения убытков. Привлеченное к субсидиарной ответственности лицо посредством

дополнительного денежного обременения обязано возместить убытки корпорации [5].

По мнению И.В. Горбашева, по части этих вопросов ВС РФ удалось внести некоторую ясность: например, он (в целом) определился с правовой природой данной ответственности, указав на то, что соответствующее требование является частным случаем иска об убытках. Конечно, суд четко не определил, например, деликтный характер этой ответственности, к чему в том числе ранее призывали представители юридической науки. Однако в любом случае подобное понимание обсуждаемого института позволило найти подходы к решению других крайне важных вопросов, в частности связанных с привлечением нескольких лиц к субсидиарной ответственности, с обязательным установлением вины привлекаемого лица, со снижением размера ответственности [3].

Вместе с тем, практика применения норм главы III.2 «актуализировала проблему не только корректного определения контролирующего должника лица, как субъекта субсидиарной ответственности», но и «возможность (правопреемства) указанного вида ответственности на третьих лиц, с учетом положений статьи 399 ГК РФ и их влияния на правовые конструкции, предусмотренные главой III.2 Закона о банкротстве»[3].

В недалеком прошлом, ответственность должника и иных лиц в делах о несостоятельности (банкротстве) рассматривалась как вид дополнительной ответственности должника обусловленной гражданско-правовой конструкцией статьи 399 ГК РФ.

А. Курбатов, в 2007 году, высказал следующую точку зрения: субсидиарная ответственность призвана компенсировать имущественные потери кредиторов, то есть выступает в качестве возмещения убытков и носит гражданско-правовой характер. Субсидиарный характер ответственности подразумевает, что до предъявления требований к лицу, которое несет субсидиарную (дополнительную) ответственность, требования

о погашении долгов должны быть предъявлены к основному должнику (п. 1 ст. 399 ГК РФ). Основным должником в данном случае - само юридическое лицо, которое признано банкротом [8].

Соответственно субсидиарная ответственность признавалась обязательством, неразрывно связанным с личностью должника, и не могла быть возложена на третьих лиц. В постановлении арбитражного суда Поволжского округа от 30.03.2017 по делу №А12-26858/2013, отмечалось что: «в соответствии с п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве деяния, связанные с неисполнением лично лицом обязанностей по передаче соответствующих бухгалтерских документов и иных ценностей, квалифицируются как отношения, неразрывно связанные с личностью гражданина, и, следовательно, не могут допускать правопреемства» [33].

Такое определение природы субсидиарной ответственности многими воспринималось как догма.

Идентичный правовой подход был изложен в постановлении арбитражного суда Московского округа от 18.10.2018 по делу № А40-130472/17: «...с учетом положений ст. 1112 ГК РФ доводы конкурсного управляющего должника о возможности привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам общества наследников Филатова А.Н., которым не была исполнена обязанность по передаче конкурсному управляющему бухгалтерских документов и материальных ценностей ООО «Промхимресурс» не могут быть признаны обоснованными, поскольку субсидиарная ответственность подразумевает возложение на лицо негативных последствий имущественного характера в связи с виновными действиями, совершенными именно этим лицом, поэтому требования о привлечении к субсидиарной ответственности тесно связаны с личностью контролирующего лица и не могут распространяться на его наследников» [31].

Вопросы, связанные с соотношением субсидиарной ответственности в банкротном законодательстве (глава III.2 Закона о банкротстве) и субсидиарной ответственности в гражданском законодательстве (ст. 399 ГК РФ) были предметом многих дискуссий.

Но в то же время, в деле о банкротстве ООО «Торговый Дом «Вега» №А40-82872/10-70-400 судом было указано, что субсидиарная ответственность контролирующего должника лица в делах о банкротстве не является субстантивной, дополнительной ответственностью, а представляет собой классический правовой деликт.

Полемики, о правовой природе субсидиарной ответственности в банкротном законодательстве, и о ее соотношении с гражданским законодательством продолжались в теории права практически до 2018 года. Ряд авторов при определении правовой природы субсидиарной ответственности в делах о несостоятельности не исключали применение общих положений гражданского кодекса. Так, В.Ф. Попондопуло и Е.В. Силина (Слепченко) полагали: - «суды должны ориентироваться все-таки на договорную, а не деликтную природу субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в деле о банкротстве. Впрочем, единственным исключением является, например, случай деликтной ответственности, предусмотренный п. 55 Постановления №53, в соответствии с которым заявитель, не сообщивший суду информацию о кредиторах, присоединившихся к его требованию, несет перед ними ответственность в виде возмещения убытков (ст. 1064 ГК РФ)» [28].

Верховный суд РФ определением от 16.12.2019 №303-ЭС19-15056 поставил точку в прениях о правовой природе субсидиарной ответственности. При рассмотрении кассационной жалобы перед судебной коллегией краеугольным камнем встал вопрос о возможности и (или) невозможности перенесения субсидиарной ответственности контролирующего лица на его наследников в пределах наследственной

массы. По сути, в данном споре решался вопрос о принципиальной допустимости правопреемства в отношении субсидиарной ответственности в делах о банкротстве. Очевидно, что без изучения правовой природы субсидиарной ответственности контролирующего лица и ее соотнесения с правилами статьи 399 ГК РФ, разрешение данного вопроса явилось бы невозможным.

Проанализировав позицию нижестоящих судебных инстанций, Верховный суд РФ отметил, что: - «отказывая в удовлетворении заявления в части привлечения наследников контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности по обязательствам должника в пределах наследственной массы, суды руководствовались положениями ст. 17, 399, 418, 1110, 1112, 1175 ГК РФ, разъяснениями, приведенными в п. 15 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 №9 «О судебной практике по делам о наследовании» (далее - Постановление №9), и исходили из того, что данные требования неразрывно связаны с личностью контролирующего должника лица, в связи с чем на его наследников не может быть возложена обязанность по возмещению убытков в порядке субсидиарной ответственности»[23].

Верховный суд РФ указал на ошибочность позиции нижестоящих судов в части признания субсидиарной ответственности в качестве дополнительной, неразрывно связанной с личностью должника: «применение к субсидиарной ответственности при банкротстве положений статьи 399 Гражданского кодекса Российской Федерации является ошибочным. Названной статьей урегулирована ответственность дополнительная, в то время как субсидиарная ответственность, предусмотренная Законом о банкротстве, является самостоятельной (основной) ответственностью контролирующего лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица.»[23].

Указанная позиция Верховного суда РФ основывалась на нормах, предусмотренных статьями 418 и 1112 ГК РФ, пункте 15 Постановления №9. В соответствии с данными нормам, в состав наследства по общему правилу входит все имущество и долги наследодателя, за исключением случаев, когда имущественные права и обязанности неразрывно связаны с личностью наследодателя либо если их переход в порядке наследования не допускается федеральным законом [4].

Таким образом, на текущий момент времени на уровне Верховного суда РФ сформирована следующая правовая позиция. Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих лиц в делах о несостоятельности основана на деликте - правонарушении, вытекающем из обязанности лица действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица. К субсидиарной ответственности в делах о несостоятельности положения глав 25 и 59 ГК РФ подлежат применению, в части не противоречащей специальному регулированию законодательства о несостоятельности (банкротстве).

В гражданском законодательстве отсутствуют нормы, содержащие запрет на переход обязательств, вытекающих из привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности, в порядке наследования. Распространение конкурсного иммунитета на незаконно приобретенное (сохраненное) имущество наследодателя за счет кредиторов противоречило бы положениям статьи 10 ГК РФ, поскольку нарушает принцип справедливости и добросовестности в имущественных отношениях.

Следствием такого правового подхода явилось расширение круга лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) [11].

1.2 Понятие и критерии признания лица контролирующим должника

Наличие у лица фактической возможности давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия, является необходимым условием отнесения такого лица к числу контролирующих должника (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве).

Осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия либо отсутствия формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов должника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении и тому подобное). Суд устанавливает степень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника [35].

Определять действия должника возможно:

- в силу нахождения с должником (руководителем или членами органов управления должника) в отношениях родства или свойства, должностного положения;
- в силу наличия полномочий совершать сделки от имени должника, основанных на доверенности, нормативном правовом акте либо ином специальном полномочии;
- в силу должностного положения (в частности, замещения должности главного бухгалтера, финансового директора должника либо иной должности, предоставляющей возможность определять действия должника);

– иным образом, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления должника либо оказания определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника иным образом.

Пункт 5 ст. 61.10 Закона о банкротстве предоставляет суду право признать лицо контролирующим должника и по иным основаниям.

Под «иными основаниями» имеются в виду обстоятельства, в силу которых возникает такая возможность.

В п. 2.2 Письма ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 №127-ФЗ» (далее – Письмо ФНС России), приведены примеры таких обстоятельств - любые неформальные личные отношения, в том числе установленные оперативно-розыскными мероприятиями, например: совместное проживание (в том числе состояние в так называемом гражданском браке), длительная совместная служебная деятельность (в том числе военная служба, гражданская служба), совместное обучение (одноклассники, однокурсники) и т. п.[19].

Обстоятельства, которые обеспечивают возможность контроля над должником, могут быть использованы при доказывании наличия статуса КДЛ, в совокупности с другими доводами и доказательствами.

В соответствии с п.4 ст.61.10 Закона о банкротстве, пока не доказано иное, предполагается, что лицо являлось контролирующим должника лицом, если это лицо:

- являлось руководителем должника или управляющей организации должника, членом исполнительного органа должника, ликвидатором должника, членом ликвидационной комиссии;
- имело право самостоятельно либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться пятьюдесятью и более процентами голосующих акций акционерного общества, или более чем половиной долей

уставного капитала общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, или более чем половиной голосов в общем собрании участников юридического лица либо имело право назначать (избирать) руководителя должника;

– извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в п.1 ст. 53.1 ГК РФ.

Указанные презумпции являются опровержимыми.

Несомненно, внимание заслуживает норма, закрепленная в п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве, в соответствии с которой размер субсидиарной ответственности номинального руководителя может быть уменьшен, если благодаря раскрытой им информации, недоступной независимым участникам оборота, были установлены фактический руководитель и (или) имущество должника либо фактического руководителя, скрывавшееся ими, за счет которого могут быть удовлетворены требования кредиторов [12].

Реализация данной нормы в законе о банкротстве, скорее напоминает полумеру, поскольку недостаточно стимулирует номинального руководителя на подобного рода сделку.

Номинальному руководителю нет смысла предоставлять сведения, если в любом случае придется нести субсидиарную ответственность. Как правило, у номинальных руководителей отсутствует имущество, на которое возможно было бы обратить взыскание, при таких обстоятельствах судебный акт о привлечении к субсидиарной ответственности не будет отвечать общеправовому принципу исполнимости, и по своей сути превращается в фикцию судебной защиты. По мнению автора действия номинального руководителя в случае банкротства юридического лица необходимо квалифицировать по ч.5 ,6, 7 (в зависимости от тяжести ущерба) ст.159 УК РФ и ввести в данную статью норму об освобождении от ответственности в случае предоставления номинальным руководителем сведений, позволивших привлечь к ответственности реального бенефициара и погасить требования

кредиторов. В таком случае осознание номинальным руководителем неотвратимости уголовного наказания, послужит стимулом для предоставления необходимых сведений.

При рассмотрении вопроса об уменьшении размера субсидиарной ответственности номинального руководителя, суд будет учитывать, насколько его действия по раскрытию информации способствовали восстановлению нарушенных прав кредиторов и компенсации их имущественных потерь (пункт 1 статьи 1064 ГК РФ).

В случае уменьшения размера субсидиарной ответственности номинального руководителя фактический руководитель несет субсидиарную ответственность в полном объеме. В той части, в которой ответственность номинального руководителя не была уменьшена, он отвечает солидарно с фактическим руководителем (пункт 1 статьи 1064, абзац первый статьи 1080 ГК РФ).

Приведенные разъяснения об уменьшении размера субсидиарной ответственности номинального руководителя распространяются как на случаи привлечения к ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) должником заявления о собственном банкротстве, так и на случаи привлечения к ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов (пункт 1 статьи 6 ГК РФ, пункт 9 статьи 61.11 Закона о банкротстве).

Таким же образом должны решаться вопросы, связанные с наличием статуса контролирующего лица у номинальных и фактических членов органов должника (в том числе участников корпораций, учредителей унитарных организаций), ликвидаторов и членов ликвидационных комиссий, а также вопросы, касающиеся привлечения их к субсидиарной ответственности (пункт 1 статьи 6 ГК РФ, пункт 9 статьи 61.11 Закона о банкротстве).

Предполагается, что лицо, которое извлекло выгоду из незаконного, в том числе недобросовестного, поведения руководителя должника является контролирующим (пп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о несостоятельности (банкротстве)).

Как разъяснено в п. 6, 7 Постановления Пленума ВС РФ №53: «в соответствии с этим правилом контролирующим может быть признано лицо, извлекающее существенную (относительно масштабов деятельности должника) выгоду в виде увеличения (сбережения) активов, которая не могла бы образоваться, если бы действия руководителя должника соответствовали закону, в том числе принципу добросовестности», а также «выгодоприобретатель, извлекающий существенные преимущества из такой системы организации предпринимательской деятельности, которая направлена на перераспределение (в том числе посредством недостоверного документооборота) совокупного дохода, получаемого от осуществления данной деятельности лицами, объединенными общим интересом (например, единым производственным и (или) сбытовым циклом), в пользу ряда этих лиц с одновременным аккумулярованием на стороне должника основной долговой нагрузки. В этом случае для опровержения презумпции выгодоприобретатель должен доказать, что его операции, приносящие доход, отражены в соответствии с их действительным экономическим смыслом, а полученная им выгода обусловлена разумными экономическими причинами».

В п. 2.1.1 Письма ФНС правовая природа презумпции контролирующего выгодоприобретателя раскрыта следующим образом: «Поскольку предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг (ст. 2 ГК РФ), то никто не будет осуществлять свою деятельность с систематическим убытком для себя,

но с систематической выгодой для другого лица, не предпринимая никаких шагов по сокращению убытков, по изменению бизнес-модели.

Исключением из правила ст. 2 ГК РФ является ситуация, когда указанное лицо осуществляет деятельность не самостоятельно, не по своей воле, а находится под контролем, управляется извне, при этом риск полностью перекладывается на контрагентов и систематически получается убыток.

При этом контроль может быть как прямым – контролирующим лицом может быть лицо, непосредственно получающее выгоду, так и косвенным – оба лица (должник и выгодоприобретатель) могут находиться под общим контролем третьего лица (бенефициара). В последнем случае лицо, контролирующее то лицо, которое получило выгоду, является КДЛ и для должника» [19].

Необходимо также отметить, что для целей применения специальных положений законодательства о субсидиарной ответственности, учитывается контроль, имевший место в период, предшествующий фактическому возникновению признаков банкротства, независимо от того, скрывалось действительное финансовое состояние должника или нет.

Во внимание принимается трехлетний период, предшествующий моменту, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов (далее — объективное банкротство).

Поправки, введенные главой III.2 Закона о банкротстве, а также разъяснения данные Верховным Судом в Постановлении Пленума №53 значительно повысили возможности привлечения к субсидиарной ответственности реальных бенефициаров должника, введя презумпции и переложив на них бремя доказывания обратного. Как правило, активы должника выводятся на лиц, формально не занимающих руководящие

должности в органах управления должника, но при этом действительно его контролирующими, тем самым причиняя вред имущественным правам кредиторов.

При таких обстоятельствах, привлечение к субсидиарной ответственности, будет тем самым исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов.

Вместе с тем, когда имеет место быть так называемое «криминальное банкротство», когда бенефициарным владельцем процедура банкротства планируется задолго до того как кредиторы узнают о каких то неправомерных действиях, являющихся основанием для привлечения к ответственности, когда арбитражный управляющий является дружественным должнику, установить конечного бенефициара становится очень сложным, а порой и невозможным.

Далее, рассмотрим особенности правового положения контролирующих должника лиц при банкротстве. Права и обязанности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, определены в статье 61.15 Закона о банкротстве. Согласно пункту 1 указанной нормы, лицо, в отношении которого в рамках дела о банкротстве подано заявление о привлечении к ответственности, имеет права и несет обязанности лица, участвующего в деле о банкротстве, как ответчик по этому заявлению. Данная норма, введенная Федеральным законом от 29.07.2017г. №266-ФЗ, внесла «смуту» в вопрос о правомочиях такого лица.

В редакции Закона о банкротстве, действующей до внесения поправок в п. 6 ст. 10 было указано, что лица, в отношении которых поданы заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, а также к ответственности в виде возмещения причиненных должнику убытков, имеют права и несут обязанности лиц, участвующих в деле о банкротстве [2].

Анализ сложившейся в период действия данной нормы судебной практики показывает, что лицо, привлекаемое к субсидиарной

ответственности, было вправе обжаловать не только судебные акты в рамках рассмотрения данного обособленного спора, но и иные судебные акты, влияющие на размер субсидиарной ответственности.

После 01 июля 2017 года, судебная практика стала складываться диаметрально противоположным образом - лицо, в отношении которого в рамках дела о банкротстве подано заявление о привлечении к субсидиарной или иной ответственности, наделено правами и обязанностями участвующего в деле о банкротстве лица только в пределах рассмотрения обособленного спора по данному заявлению и не обладает правами лица, участвующего в деле о банкротстве.

Указанный подход обусловлен наличием в п. 1 ст. 61.15 Закона о банкротстве, устанавливающим процессуальный статус лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, оговорки: «как ответчик по этому заявлению».

Тем не менее, в судебной практике можно встретить дела, в которых суды отходят от формальной оценки процессуального статуса лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, и, не пытаясь опровергнуть, что данное лицо наделено правами и обязанностями участвующего в деле о банкротстве лица только в пределах рассмотрения обособленного спора по заявлению о привлечении его к субсидиарной ответственности, признают за ними право на судебную защиту своих прав и законных интересов, в том числе, путем обжалования действий (бездействия) арбитражного управляющего, а также судебных актов, принятых в рамках иных обособленных споров. Такой подход содержится в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 24.08.2020 №Ф05-6357/2020 по делу №А40-299816/2018 [32].

Не согласившись с судебным актом, конкурсный управляющий обратился с жалобой в Верховный суд РФ. Определением от 16.11.2020 № 305-ЭС20-17207 в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в

судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отказано [25].

Верховный суд РФ поддержал позицию суда округа, о том, что: «И. является лицом, заинтересованным в должном формировании конкурсной массы арбитражным управляющим и не может быть лишен возможности на обращение в суд с соответствующей жалобой со ссылкой на отсутствие у него статуса основного участника дела о банкротстве в соответствии со статьей 34 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Вопрос о конституционности п. 1 ст. 61.15 Закона о банкротстве уже доходил до Конституционного Суда Российской Федерации, однако в данном деле не был разрешен. Так, Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 26.05.2020 №1105-О отказано в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ш. на нарушение его конституционных прав п. 1, 3 и 4 ст. 60 и п. 1 ст. 61.15 Закона о банкротстве [26].

Нарушение своих конституционных прав Ш. связывал с тем, что оспариваемые положения Закона о банкротстве в их взаимосвязи позволили арбитражным судам отказать ему в праве обжаловать бездействие конкурсного управляющего, от которого зависит объем конкурсной массы должника, а значит, и размер субсидиарной ответственности Ш. (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.09.2019 № Ф01-4591/2019) [29].

Установив, что арбитражные суды не просто указали на отсутствие у Ш. права на обращение с жалобой на бездействие управляющего, но и рассмотрели его жалобу по существу, Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии к рассмотрению его жалобы.

Таким образом, на сегодняшний день, вопрос правового статуса лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, остается открытым. Возможно, при внесении следующих поправок в Закон о банкротстве,

законодателем будет учтена складывающаяся ситуация с отсутствием единообразия судебной практики. По мнению автора действия номинального руководителя в случае банкротства юридического лица необходимо квалифицировать по ч. 5, 6, 7 (в зависимости от тяжести ущерба) ст.159 УК РФ и ввести в данную статью норму об освобождении от ответственности в случае предоставления номинальным руководителем сведений, позволивших привлечь к ответственности реального бенефициара и погасить требования кредиторов.

В таком случае осознание номинальным руководителем неотвратимости уголовного наказания, послужит стимулом для предоставления необходимых сведений. В настоящее время значительно повышены возможности привлечения к субсидиарной ответственности реальных бенефициаров должника, введены презумпции и переложено на них бремя доказывания обратного. Как правило, активы должника выводятся на лиц, формально не занимающих руководящие должности в органах управления должника, но при этом действительно его контролирующих, тем самым причиняя вред имущественным правам кредиторов.

При таких обстоятельствах, привлечение к субсидиарной ответственности будет тем самым механизмом восстановления права. Вместе с тем, когда имеет место быть так называемое «криминальное банкротство», когда бенефициарным владельцем процедура банкротства планируется задолго до того, как кредиторы узнают о каких-то неправомерных действиях, когда арбитражный управляющий является дружественным должнику, установить конечного бенефициара становится очень сложным, а порой, и невозможным.

Глава 2 Основания и условия привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве

2.1 Основания и условия привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности

Закон о несостоятельности (банкротстве) содержит два основания привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного юридического лица: невозможность полного погашения требований кредиторов и неподача или нарушение срока подачи заявления должника о своем банкротстве.

В связи с этим, причинение субсидиарным ответчиком вреда кредиторам должника-банкрота происходит при наступлении объективных признаков составов этих правонарушений, которые обозначены в статьях 61.11 и 61.12 Закона о несостоятельности (банкротстве), из которых следует, что вред причиняется при совершении контролирующим должника лицом деяний (действия или бездействия), вследствие которых стало невозможно полное погашение требований кредиторов контролируемого лица.

Неправомерные действия (бездействие) контролирующего лица могут выражаться, в частности, в принятии ключевых деловых решений с нарушением принципов добросовестности и разумности, в том числе согласование, заключение или одобрение сделок на заведомо невыгодных условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом («фирмой-однодневкой» и тому подобное), дача указаний по поводу совершения явно убыточных операций, назначение на руководящие должности лиц, результат деятельности которых будет очевидно не соответствовать интересам возглавляемой организации, создание и поддержание такой системы управления должником, которая нацелена на

систематическое извлечение выгоды третьим лицом во вред должнику и его кредиторам.

Размер субсидиарной ответственности определяется в соответствии с п. 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве и равен совокупному размеру требований кредиторов, включенных в реестр, а также заявленных после закрытия реестра, и требований кредиторов по текущим платежам, оставшихся не погашенными по причине недостаточности имущества должника. При этом, требования самого контролирующего лица либо заинтересованных по отношению к нему лиц при определении размера ответственности не учитываются.

Пунктом 2 ст. 61.11 Закона о несостоятельности (банкротстве) установлены опровержимые презумпции, в соответствии с которыми, пока не доказано иное, предполагается, что полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующих лиц, при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств:

- причинен существенный вред имущественным правам кредиторов в результате совершения этим лицом или в пользу этого лица либо одобрения этим лицом одной или нескольких сделок должника;
- документы бухгалтерского учета и (или) отчетности к моменту вынесения определения о введении наблюдения или принятия решения о признании должника банкротом отсутствуют или не содержат предусмотренную законодательством информацию, либо указанная информация искажена, в результате чего существенно затруднено проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в том числе формирование и реализация конкурсной массы;
- более 50 % требований кредиторов третьей очереди по основной сумме задолженности возникли вследствие совершения должником или его должностными лицами, являющимися или являвшимися его

единоличными исполнительными органами, к уголовной, административной ответственности или ответственности за налоговые правонарушения;

– документы, хранение которых являлось обязательным в соответствии с законодательством к моменту вынесения определения о введении наблюдения или принятия решения о признании должника банкротом, отсутствуют либо искажены;

– на дату возбуждения дела о банкротстве не внесены либо внесены недостоверные сведения о юридическом лице в ЕГРЮЛ или в ФЕДРЕСУРС.

В соответствии с разъяснениями, изложенными в пункте 16 Постановления №53, под действиями (бездействием) субсидиарного ответчика следует понимать такие действия (бездействие) которые непосредственно привели должника к объективному банкротству.

Из разъяснений, изложенных в пункте 23 Постановления №53, следует, что установленная подпунктом 1 пункта 2 статьи 61.11 Закона о несостоятельности (банкротстве) презумпция доведения до банкротства в результате совершения сделки (ряда сделок) может быть применена к контролирующему лицу, если данной сделкой (сделками) причинен существенный вред кредиторам. К числу таких сделок относятся, в частности, сделки должника, значимые для него (применительно к масштабам его деятельности) и одновременно являющиеся существенно убыточными [15;16;17].

В силу абзаца тридцать пятого ст. 2 Закона о несостоятельности (банкротстве) под вредом, причиненным имущественным правам кредиторов, следует понимать уменьшение стоимости или размера имущества должника и (или) увеличение размера имущественных требований к должнику, а также иные последствия совершенных должником сделок или юридически значимых действий либо бездействия, приводящие к полной или частичной

утрате возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества.

Рассматривая вопрос о том, является ли значимая сделка существенно убыточной, следует исходить из того, что таковой может быть признана, в том числе сделка, совершенная на условиях, существенно отличающихся от рыночных в худшую для должника сторону, а также сделка, заключенная по рыночной цене, в результате совершения которой должник утратил возможность продолжать осуществлять одно или несколько направлений хозяйственной деятельности, приносивших ему ранее весомый доход.

По смыслу п. 3 ст. 61.11 Закона о несостоятельности (банкротстве), для применения презумпции, закрепленной в пп. 1 п. 2 данной статьи, наличие вступившего в законную силу судебного акта о признании такой сделки недействительной не требуется.

Также нет необходимости в установлении всей совокупности обстоятельств, необходимых для признания соответствующей сделки ее недействительной, в частности недобросовестности контрагента по этой сделке.

По смыслу пп. 1 п. 2 ст. 61.11 Закона о несостоятельности (банкротстве), для доказывания факта совершения сделки, причинившей существенный вред кредиторам, заявитель вправе ссылаться на основания недействительности, в том числе предусмотренные статьей 61.2 и 61.3 указанного закона.

Кроме того, «в силу прямого указания пп. 2 п. 12 ст. 61.11 Закона о банкротстве контролирующее лицо также подлежит привлечению к субсидиарной ответственности и в том случае, когда после наступления объективного банкротства оно совершило действия (бездействие), существенно ухудшившие финансовое положение должника.

Указанное означает, что по общему правилу, контролирующее лицо, создавшее условия для дальнейшего значительного роста диспропорции

между стоимостью активов должника и размером его обязательств, подлежит привлечению к субсидиарной ответственности в полном объеме, поскольку презюмируется, что из-за его действий (бездействия) окончательно утрачена возможность осуществления в отношении должника реабилитационных мероприятий, направленных на восстановление платежеспособности, и, как следствие, утрачена возможность реального погашения всех долговых обязательств в будущем.

Контролирующее лицо, которое несет субсидиарную ответственность на основании подпункта 2 пункта 12 статьи 61.11 Закона о банкротстве, и контролирующее лицо, несущее субсидиарную ответственность за доведение до объективного банкротства, отвечают солидарно» [35].

Указанная норма закона о банкротстве, по мнению автора, компенсирует нерабочую норму уголовного права – части 1, 2 статьи 195 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Данная статья уголовного кодекса предусматривает ответственность за неправомерные действия при банкротстве, если такие действия причинили крупный ущерб, в частности:

– сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества должника - юридического лица, гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, а равно сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя, если эти действия совершены при наличии признаков банкротства и причинили крупный ущерб;

– неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника заведомо в ущерб другим кредиторам, если это действие совершено при наличии признаков банкротства и причинило крупный ущерб [41].

Как мы видим, для привлечения к уголовной ответственности по статье 195 УК РФ необходимо соблюдение двух условий – наличие признаков банкротства и крупный ущерб, причиненный неправомерными действиями. Для привлечения к субсидиарной ответственности по пп. 2 п. 12 статьи 61.11 Закона о несостоятельности (банкротстве) необходима совокупность тех же условий – наличие признаков банкротства и существенность причиненного ущерба совершенными деяниями. Только для целей привлечения к уголовной ответственности ущерб должен составлять не менее 2 500 000.00 руб., в то время как существенность ущерба для целей субсидиарной ответственности, должна оцениваться применительно к масштабам деятельности юридического лица.

Так, например, в деле о банкротстве ООО «Абаканский железобетонный завод» дело №А74 - 3267/2017, руководителем должника в период процедуры наблюдения совершен ряд сделок с предпочтением, которые впоследствии признаны судом недействительными. Недобросовестное поведение руководителя должника послужило основанием для подачи в арбитражный суд заявления о привлечении контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности. Определением арбитражного суда от 22.07.2019 заявление конкурсного управляющего было удовлетворено, наличие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности ответчиков признано доказанным.

Судебный акт устоялся в обеих инстанциях – апелляционной и кассационной округа. Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа, обосновывая отказ в удовлетворении жалоб поданных ответчиками, указал: «судами с учетом правовой позиции, изложенной в пункте 17 Постановления

№ 53, согласно которой контролирующее лицо, которое несет субсидиарную ответственность на основании подпункта 2 пункта 12 статьи 61.11 Закона о несостоятельности (банкротстве), и контролирующее лицо, несущее субсидиарную ответственность за доведение до объективного банкротства, отвечают солидарно, было установлено, что последовательный вывод активов должника в период процедуры наблюдения, в том числе пользу аффилированных лиц, ухудшил финансовое положение должника и сделал невозможным продолжение его хозяйственной деятельности и погашение всех обязательств.

Таким образом, исследовав и оценив представленные в материалы дела доказательства, суды первой и апелляционной инстанции пришли к правомерному выводу о наличии совокупности условий для привлечения Е.В.С. и Е.Л.В. к субсидиарной ответственности по обязательствам должника применительно к пункту 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве» [30].

Действия руководителя должника содержали состав преступления, предусмотренного ч.2 ст. 195 УК РФ, но правоохранительными органами в возбуждении уголовного дела было отказано. Отказ был мотивирован тем, что сделки были оспорены, а значит, состав преступления отсутствует. При этом денежные средства от оспоренных сделок в конкурсную массу не поступили. Применение, в том числе, нормы предусмотренной пп. 2 п. 12 ст. 61.11 Закона о несостоятельности (банкротстве) позволило восстановить нарушенные права кредиторов.

В деле о несостоятельности (банкротстве) ООО «Гарантия» №А74-2633/2019, контролирующими лицами, при наличии признаков объективного банкротства, был заключен договор купли-продажи транспортного средства стоимостью 2 000 000.00 руб. По требованию уполномоченного органа конкурсный управляющий обратился с заявлением о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам должника. Дополнительно уполномоченный орган обратился

с заявлением о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, по основаниям пп.2 п.12 ст. 61.11 Закона о несостоятельности (банкротстве).

Определением Арбитражного суда Республики Хакасия от 25.01.2021 заявления конкурсного управляющего и Федеральной налоговой службы удовлетворены, признаны доказанными наличие оснований для привлечения ответчиков к субсидиарной ответственности по обязательствам должника [20].

В приведенном примере, суммы ущерба, в целях привлечения к уголовной ответственности по признакам состава преступления предусмотренного ч.2 ст. 195 УК РФ, было недостаточно, но в то же время цена сделки была существенной применительно к стоимости активов должника на момент возбуждения дела о несостоятельности. В связи с чем, было принято решение о подаче в отношении контролирующих должника лиц заявления о привлечении к субсидиарной ответственности по основаниям пп.2 п.12 ст. 61.11 Закона о несостоятельности (банкротстве). В результате требования уполномоченного органа в данном деле о банкротстве были погашены в полном объеме.

Статистика состоявшихся приговоров по ч. 1, 2 ст. 195 УК РФ в сравнении с удовлетворенными заявлениями о признании сделок недействительными и привлечении к субсидиарной ответственности говорит сама за себя.

Так количество осужденных лиц по ч. 1, 2 ст. 195 УК РФ за 2019 год составляет 13 человек, тогда как количество удовлетворенных заявлений о признании сделок недействительными и о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности в рамках дела о несостоятельности за 2019 год составляет – 16 801 и 2 995 соответственно.

Конечно, существенное значение имеет подход к вине ответчика в уголовном праве. Если Законом о банкротстве предусмотрена презумпция

вины контролирующего лица за совершенные действия, то в уголовном праве – презумпция невиновности, пока не доказано иное, ответчик невиновен.

Как видим, представленные данные свидетельствуют, с одной стороны, о низкой эффективности уголовно – правовых институтов, а с другой – о достаточно высокой эффективности сугубо банкротных норм, позволяющих успешно восстанавливать нарушенные права участников процедур банкротства.

Предъявляя требование о привлечении к субсидиарной ответственности либо о взыскании убытков, кредиторам порой бывает сложно определить, на какие нормы необходимо сослаться в обоснование своего требования. Исходя из этого, суд, основываясь на положениях статей 133 и 168 АПК РФ, самостоятельно квалифицирует предъявленное требование [1].

В соответствии с п. 20 Постановления Пленума №53, при решении вопроса о том, какие нормы подлежат применению - общие положения о возмещении убытков (в том числе ст. 53.1 ГК РФ) либо специальные правила о субсидиарной ответственности (ст. 61.11 Закона о несостоятельности (банкротстве)), - суд в каждом конкретном случае оценивает, насколько существенным было негативное воздействие привлекаемых лиц на деятельность должника, проверяя, как сильно в результате такого воздействия изменилось финансовое положение должника, какие тенденции приобрели экономические показатели, характеризующие состояние должника, после этого воздействия.

В том случае, когда действия контролирующих лиц привели должника к банкротству, применению подлежат нормы о субсидиарной ответственности (п. 1 ст. 61.11 Закона о несостоятельности (банкротстве)). А в случае, когда причиненный контролирующими лицами, указанными в статье 53.1 ГК РФ, вред исходя из разумных ожиданий не должен был привести к объективному банкротству должника, такие лица обязаны

компенсировать возникшие по их вине убытки в размере, определяемом по правилам статей 15, 393 ГК РФ.

Следующим основанием привлечения к субсидиарной ответственности является неподача (несвоевременная подача) должником заявления о своем банкротстве.

В соответствии со ст. 61.12 Закона о несостоятельности (банкротстве), к ответственности за неподачу (не своевременную подачу) заявления привлекаются руководители должника. Нормы закона устанавливают обязанность руководителя должника обратиться с заявлением в арбитражный суд в кратчайший срок, но не позднее чем через месяц, с даты возникновения следующих обстоятельств:

- удовлетворение требований одного кредитора или нескольких кредиторов приводит к невозможности исполнения должником денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей и (или) иных платежей в полном объеме перед другими кредиторами;
- органом должника, уполномоченным на принятие решения о ликвидации должника или уполномоченным собственником имущества должника-унитарного предприятия принято решение об обращении в арбитражный суд с заявлением должника;
- обращение взыскания на имущество должника существенно осложнит или сделает невозможной хозяйственную деятельность должника;
- должник отвечает признакам неплатежеспособности и (или) признакам недостаточности имущества;
- имеется не погашенная в течение более чем трех месяцев по причине недостаточности денежных средств задолженность по оплате труда и другим выплатам, установленным трудовым законодательством;
- в иных случаях, установленных Законом о банкротстве.

Также, к субсидиарной ответственности по данному основанию могут быть привлечены и иные лица, в частности:

- члены ликвидационной комиссии/ликвидаторы, не обратившиеся в течение десяти дней с момента выявления признаков неплатежеспособности и (или) признаков недостаточности имущества в случае, если юридическое лицо стало отвечать таким признакам при проведении ликвидации;
- лица, не исполнившие обязанность по созыву заседания органа управления должника для принятия решения об обращении с заявлением о банкротстве или обязанность по принятию такого решения, если такие лица:

 - являлись контролирующими должника лицами;
 - не могли не знать о нахождении должника в таком состоянии, при котором на стороне его руководителя, ликвидационной комиссии возникла обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве, и о невыполнении ими данной обязанности;
 - обладали полномочиями по созыву собрания или обладали полномочиями по самостоятельному принятию соответствующего решения;
 - не совершили надлежащим образом действия, направленные на созыв собрания или на принятие такого решения (п. 9 Постановления Пленума ВС РФ № 53).

При нарушении указанной обязанности несколькими лицами эти лица отвечают солидарно (п. 1 ст. 61.12 Закона о несостоятельности (банкротстве)).

В соответствии с п. 2 ст. 61.12 указанного закона размер ответственности будет равен размеру обязательств должника, возникших после истечения сроков на подачу заявления и до возбуждения дела о банкротстве должника. При этом, в размер ответственности не включаются

обязательства, до возникновения которых конкурсный кредитор знал или должен был знать о том, что имели место основания для возникновения обязанности по подаче заявления (за исключением требований об уплате обязательных платежей и требований, возникших из договоров, заключение которых являлось обязательным для контрагента должника) (п. 3 ст. 61.12 Закона о несостоятельности (банкротстве)).

Как указано в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016): «применительно к гражданским договорным отношениям невыполнение руководителем требований Закона о банкротстве об обращении в арбитражный суд с заявлением должника о банкротстве свидетельствует о недобросовестном сокрытии от кредиторов информации о неудовлетворительном имущественном положении юридического лица. То есть, фактически размер ответственности ограничен размером обязательств перед кредиторами, которые были введены в заблуждение относительно финансового состояния должника, не знали и не могли знать о том, что оно является неблагоприятным, и ввиду этого вступили с компанией в правоотношения» [16].

В связи с этим наиболее важным по таким спорам является определение момента наступления обязанности по обращению с заявлением в суд. Как указано в п. 9 Постановления Пленума ВС РФ № 53: «обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве возникает в момент, когда добросовестный и разумный руководитель в рамках стандартной управленческой практики должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве. Если руководитель должника докажет, что, несмотря на временные финансовые затруднения (возникновение признаков неплатежеспособности, затруднения деятельности при обращении взыскания на имущество, непогашение задолженности по выплате заработной платы), в финансовом положении

компании не было признаков объективного банкротства, и КДЛ добросовестно рассчитывали на преодоление этих финансовых трудностей в разумный срок, приложил максимальные усилия для достижения такого результата, выполняя экономически обоснованный план, такой руководитель освобождается от субсидиарной ответственности на тот период, пока выполнение его плана являлось разумным»[35].

Дополнительно, в определении Верховного Суда РФ №306-ЭС17-13670(3) от 29.03.2018 по делу №А12-18544/2015 разъясняется, что: «для целей разрешения вопроса о привлечении бывшего руководителя к ответственности по упомянутым основаниям установление момента подачи заявления о банкротстве должника приобретает существенное значение, учитывая, что момент возникновения такой обязанности в каждом конкретном случае определяется моментом осознания руководителем критичности сложившейся ситуации, очевидно свидетельствующей о невозможности продолжения нормального режима хозяйствования без негативных последствий для должника и его кредиторов. В связи с этим в процессе рассмотрения такого рода заявлений, помимо прочего, необходимо учитывать режим и специфику деятельности должника, а также то, что финансовые трудности в определенный период могут быть вызваны преодолимыми временными обстоятельствами» [21].

При определении признаков объективного банкротства необходимо руководствоваться п. 4 Постановления Пленума № 53, согласно которому под объективным банкротством понимается момент, в который должник стал не способен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по обязательным платежам, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной (то есть рыночной) стоимостью его активов.

На практике именно вопрос определения момента наступления у должника признаков «объективного банкротства» и вызывает наибольшие

трудности, особенно в ситуации, когда должник этот момент тщательно скрывает.

Как отмечает Карелина С.А.: «отсутствие четко закрепленных квалифицирующих признаков категории «объективное банкротство» вызывает на практике определенные сложности вследствие неоднозначности подходов к квалификации фактических обстоятельств, необходимых для оценки момента наступления объективного банкротства» [6].

Ни для кого не является тайной, что бухгалтерская отчетность юридических лиц не всегда отражает его реальное имущественное и финансовое состояние. К тому же, она является лишь отражением общих сведений об активах и пассивах применительно к определенному отчетному периоду.

В случае, когда должник использует институт банкротства, как способ уклонения от исполнения своих долговых обязательств, он, как правило, создает видимость своей платежеспособности, тем самым оттягивая момент, когда признаки банкротства уже будут очевидны и кто-то из кредиторов, либо сам должник (когда ему это будет выгодно), подаст заявление о признании его несостоятельным (банкротом). Обычно, к этому времени ликвидные активы должника уже давным-давно выведены, у руководителя, как правило, активы тоже отсутствуют. В связи с чем, определение момента наступления объективного банкротства архи важно, не только для целей привлечения руководителя должника к субсидиарной ответственности, но и для выполнения в целом цели конкурсного производства – соразмерного удовлетворения требований кредиторов, посредством оспаривания сделок должника, выявления контролирующих лиц должника и привлечения их к субсидиарной ответственности по иным основаниям, предусмотренным законодательством о банкротстве, а также посредством предъявления исков о возмещении ущерба к виновным лицам.

Исходя из анализа судебной практики по привлечению руководителей должника по основаниям ст. 61.12 Закона о банкротстве, в подавляющем большинстве «отказные» решения выносятся именно в связи с отсутствием доказательств наличия у должника признаков объективного банкротства в определенный момент времени и соответственно обязанности руководителя обратиться с заявлением.

Таким образом, определение признака «объективное банкротства» для каждой конкретной ситуации является индивидуальным, и только при сопоставлении всех критериев, предусмотренных в законодательстве, в совокупности. В случае, когда должник использует институт банкротства, как способ уклонения от исполнения своих долговых обязательств, он, как правило, создает видимость своей платежеспособности, тем самым оттягивая момент, когда признаки банкротства уже будут очевидны и кто-то из кредиторов, либо сам должник (когда ему это будет выгодно), подаст заявление о признании его несостоятельным (банкротом). Обычно, к этому времени ликвидные активы должника уже давным-давно выведены, у руководителя, как правило, активы тоже отсутствуют.

2.2 Действие норм о субсидиарной ответственности во времени

В последнее время, привлечение к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве, является достаточно эффективным механизмом, позволяющим восстанавливать нарушенные права кредиторов.

Если ранее старая редакция Закона о несостоятельности (банкротстве) предусматривала субсидиарную ответственность за доведение до банкротства, то сейчас, исходя из норм п. 1 ст. 61.11 одноименного закона, она предусмотрена за невозможность полного погашения требований кредиторов.

Поскольку субсидиарная ответственность по своей правовой природе является разновидностью гражданско-правовой ответственности, материально-правовые нормы о порядке привлечения применяются на момент совершения вменяемых ответчиком действий, то есть на момент возникновения обстоятельств, являющихся основанием для привлечения к ответственности.

В частности, объем ответственности контролирующих и иных лиц по данной категории исков подлежит определению по тем правилам, которые действовали на момент возникновения обстоятельств, являющихся основанием для привлечения этих лиц к ответственности, то есть на момент совершения противоправных действий.

Федеральный закон № 266-ФЗ признал утратившей силу ст. 10 Закона о банкротстве, ранее регулировавшую порядок привлечения к субсидиарной ответственности, введением в действие главы III.2 Закона о банкротстве.

Пунктом 3 ст. 4 Федерального закона № 266-ФЗ предусмотрено, что рассмотрение заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности поданным после 01.07.2017, производится по правилам Закона о банкротстве в редакции Федерального закона №266-ФЗ.

В связи с этим в арбитражной практике сложились три следующих подхода:

- применяются все нормы главы III.2 Закона о банкротстве, независимо от периода совершения вменяемого ответчику действия (постановления Арбитражного суда Московского округа от 13.03.2019 № Ф05-16769/2018 по делу № А40-185485/2016, от 04.07.2018 № Ф05-9782/2018 по делу № А40-110344/16);
- применяются процессуально-правовые нормы главы III.2 Закона о банкротстве, а также материально-правовые нормы главы III.2 Закона о банкротстве, если они не ухудшают положение лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности (постановления Арбитражного суда

Московского округа от 26.02.2019 № Ф05-1108/2019 по делу № А41-11621/2016, от 15.01.2019 № Ф05-22261/2018 по делу № А40-48058/2014);

– применяются материально-правовые нормы, действовавшие на момент совершения вменяемого ответчику действия, и процессуально-правовые нормы главы III.2 Закона о банкротстве (постановления Арбитражного суда Московского округа от 20.01.2020 № Ф05-23519/2019 по делу № А40-36186/2017, от 24.10.2018 № Ф05-17640/2018 по делу № А40-191976/2015).

Ссылки на примеры из практики одного суда, да еще кассационной инстанции, показывают масштаб проблемы [9].

Так, аналогичная ситуация возникала в 2009 г., когда Федеральным законом № 73-ФЗ были внесены существенные изменения в ст. 10 Закона о банкротстве. Но в отличие от Федерального закона № 266-ФЗ применение правовых норм законодатель связал с датой возбуждения производства по делу о несостоятельности, в котором было подано заявление о привлечении к субсидиарной ответственности.

Президиум ВАС РФ в Информационном письме от 27.04.2010 № 137 «О некоторых вопросах, связанных с переходными положениями Федерального закона от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» разъяснил, что вопрос о применении положений Закона о банкротстве в редакции Федерального закона № 73-ФЗ о субсидиарной ответственности соответствующих лиц решается в зависимости от того, когда имелись обстоятельства, являющиеся основанием для их привлечения к такой ответственности: если после дня вступления в силу Федерального закона № 73-ФЗ, то применяются, а если до — то не применяются. Однако процессуальные нормы о порядке привлечения к субсидиарной ответственности подлежат применению судами после вступления в силу

Федерального закона № 73-ФЗ независимо от даты, когда имели место указанные обстоятельства, или было возбуждено производство по делу о банкротстве.

Исходя из изложенной позиции, если заявление о субсидиарной ответственности подано в арбитражный суд после 01.07.2017, то правильным будет являться при рассмотрении такого заявления применение:

- процессуальных норм главы III.2 Закона о банкротстве;
- материально-правовых норм о порядке привлечения к субсидиарной ответственности, действовавших на момент совершения вменяемых действий (возникновения обстоятельств, являющихся основанием для привлечения ответчика к субсидиарной ответственности).

Данный подход соответствует правилам, в том числе конституционным, действия норм процессуального и материального права во времени:

- судопроизводство в арбитражных судах осуществляется в соответствии с федеральными законами, действующими во время разрешения спора и рассмотрения дела, совершения отдельного процессуального действия или исполнения судебного акта (ч. 4 ст. 3 АПК РФ);
- акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие, за исключением случаев, когда это прямо предусмотрено законом (п. 1 ст. 4 ГК РФ);
- закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет (ч. 1 ст. 54 Конституции РФ) [7]. Например, п. 12 ст. 61.11 Закона о банкротстве в отличие от ст. 10 этого закона устанавливает субсидиарную ответственность не только за доведение должника до банкротства, но и за совершение действий (бездействия),

существенно ухудшивших финансовое положение должника - фактического банкрота).

Впоследствии Верховный Суд РФ в Определении от 30.09.2019 № 305-ЭС19-10079 по делу № А41-87043/2015 подтвердил правильность данного подхода, указав на неправомерность применения судами положений ст. 61.10 и 61.11 Закона о банкротстве, так как в период возникновения обстоятельств, являющихся основанием для привлечения к субсидиарной ответственности, действовали нормы ст. 10 данного закона [22].

Кроме того, КС РФ в Определениях от 27.02.2020 № 417-О и № 416-О пришел к выводу, что положения п. 1 и 3 ст. 4 Федерального закона № 266-ФЗ, определяющие порядок действия закона во времени, направлены на обеспечение правовой определенности и стабильности закона, а также поддержание определенности имущественного положения кредиторов и должника в рамках действующих процедур банкротства и, рассматриваемые как сами по себе, так и во взаимосвязи с нормами Закона о банкротстве, в том числе определяющими основания для привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, не предполагают привлечения гражданина к ответственности за действия, которые на момент их совершения не признавались правонарушением.

Таким образом, разделение правовых норм, регулирующих институт субсидиарной ответственности, на нормы материального и процессуального права имеет не только теоретическое, но и в первую очередь практическое значение.

Из анализа судебной практики можно резюмировать, что данное разделение необходимо проводить следующим образом:

– к материальному праву относятся нормы, устанавливающие круг лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, основания и размер субсидиарной ответственности;

– к процессуальному праву относятся нормы, регулирующие порядок привлечения лица к субсидиарной ответственности.

Учитывая, что институт субсидиарной ответственности «пронизан» различными презумпциями, в судебной практике возник вопрос об их месте в системе права, который суды решают в пользу признания данных презумпций нормами материального права.

Арбитражный суд Северо-Западного округа в постановлении от 04.02.2020 № Ф07-17265/2019 по делу № А56-6358/2015 выразил свое мнение по этому вопросу: «поскольку вопросы субсидиарной ответственности - это вопросы отношений между кредиторами и контролирующими должника лицами, основания субсидиарной ответственности, даже если они изложены в виде презумпций, относятся к нормам материального гражданского (частного) права, и к ним не может применяться обратная сила, исходя из того, что каждый участник гражданского оборота должен быть осведомлен об объеме и порядке реализации своих частных прав по отношению к другим участникам оборота с учетом действующего в момент возникновения правоотношений правового регулирования»[34].

В пункте 21 Рекомендаций круглого стола Арбитражного суда Западно-Сибирского округа, принятых по итогам заседания круглого стола, состоявшегося 24–25 октября 2019 г. в г. Омске (утв. на заседании Президиума Арбитражного суда Западно-Сибирского округа 06.03.2020), разъяснено: «Опровержимые доказательственные презумпции представляют собой законодательные предположения существования прогнозируемого (презюмируемого) факта при наличии определенного исходного факта» [38].

Отнесение презумпций к нормам материального права фактически подтверждает и высший суд. Так, в Определении ВС РФ от 21.04.2016 № 302-ЭС14-1472 по делу № А33-1677/13 о банкротстве ООО «ИНКОМ» указано: «Поскольку в рассматриваемый период не действовали закрепленные в абзацах втором - пятом пункта 4 статьи 10 Закона о

банкротстве презумпции, касающиеся наличия причинно-следственной связи между действиями контролирующих должника лиц и банкротством контролируемой организации, соответствующие обстоятельства подлежали доказыванию по общим правилам, установленным процессуальным законодательством».

Кроме того, ВС РФ в Определении от 25.09.2020 № 310-ЭС20-6760 по делу № А14-7544/2014 о банкротстве ЗАО «УГМК-Рудгормаш» признал правильными выводы нижестоящих судов, что в рассматриваемом споре подлежали применению положения Закона о банкротстве в редакции Федеральных законов № 73-ФЗ и 134-ФЗ; соответственно, предусмотренная пп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве презумпция контроля над должником у лица, которое извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в п. 1 ст. 53.1 ГК РФ, неприменима, так как подобная презумпция в предыдущих редакциях Закона отсутствовала [24].

Таким образом, для привлечения к субсидиарной ответственности необходимо наличие признаков банкротства и существенность причиненного ущерба совершенными деяниями. Только для целей привлечения к уголовной ответственности ущерб должен составлять не менее 2 500 000.00 руб., в то время как существенность ущерба для целей субсидиарной ответственности, должна оцениваться применительно к масштабам деятельности юридического лица. Изложенная в актах практики правовая позиция может быть использована во всех случаях невозможности применения презумпций, содержащихся в главе III.2 Закона о банкротстве, в связи с правилами действия правовых норм во времени. Обстоятельство, которое самостоятельно «запускает» действие презумпции, может быть использовано в совокупности с другими обстоятельствами при доказывании факта, который презюмировался бы, если бы соответствующая презумпция действовала.

Глава 3 Некоторые аспекты ответственности контролирующих лиц

3.1 «Снятие корпоративной вуали» как механизм привлечения к ответственности контролирующих лиц

В настоящее время привлечение к субсидиарной ответственности уже не является чем-то экстраординарным. При недостаточности активов компании для погашения требований кредиторов, в большинстве случаев конкурсные управляющие и конкурсные кредиторы принимают решение взыскать кредиторскую задолженность с контролирующих ее лиц, и достаточно часто достигают своей цели.

Обратимся к статистике Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации относительно процента удовлетворенных заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности: 2020 – 59%, 2019 -57%, при этом количество поданных заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности в 2020 году составило - 5672, в 2019 - 5906.

Таким образом, после июля 2017 года, когда была введена в действие глава III.2 Закона о банкротстве наблюдается заметный рост количества поданных заявлений и что самое важное – рост числа удовлетворенных заявлений, что явно свидетельствует об эффективности введенных норм для целей повышения гарантий кредиторов.

В мае 2019 года в рамках IX Петербургского международного юридического форума был проведен III Международный форум по банкротству. Одна из дискуссий форума проходила под председательством ФНС России и касалась порядка привлечения к ответственности контролирующих и зависимых лиц в банкротстве: «К началу 2019 года сформировалась устойчивая судебная практика по привлечению

контролирующих должника лиц к ответственности, а также по выявлению и пресечению схем вывода активов.

Большой процент неудовлетворенных требований кредиторов в процедурах банкротства связан с тем, что многие компании имеют непрозрачную структуру владения активами и скрывают реальных бенефициаров, что позволяет недобросовестным бизнесменам уклоняться от уплаты налогов и погашения требований других кредиторов» [36].

Разграничение ответственности юридического лица и ответственности иных лиц, в том числе его участников, является фундаментальным принципом российского корпоративного права [10]. Как, впрочем, и большинства стран, принадлежащих наиболее распространенным правовым системам – англо-американской (США, Великобритания) и романо-германской (Германия, Нидерланды, Китай).

Однако, ограниченная ответственность имеет свои пределы. Когда компания используется в качестве прикрытия от ответственности или для целей незаконного бизнеса, суды могут пренебречь данным принципом и обратить взыскание долгов компании с ее владельцев. Этот механизм ответственности называется доктрина «снятия корпоративной вуали».

История доктрины снятия корпоративной вуали берет свое начало в США, где и была в 1912 г. сформирована М. Уормсером [47]. Судами в США при доказанности таких элементов, как отсутствие у юридического лица самостоятельности в силу доминирования и контроля другого лица и использование юридического лица в качестве инструмента для совершения обмана или правонарушения, происходит «снятие корпоративного покрова» (в кейсах *Last Time Beverage Corp. v. F & V Distribution Co., Inc.* – дело 2010 г., *ABN AMRO Bank, N.V. v. MBIA Inc.* – дело 2011 г., *Cobalt Partners, L.P. v. GSC Capital Corp.* – дело 2012 г. суд пришел к выводу о доказанности вышеприведенных элементов в совокупности) [39].

Исаак М. Уормсер писал: «Сегодняшняя сложная проблема для корпоративного юриста состоит в том, чтобы научиться применять эту концепцию, знать, когда бесстрашно применять теорию существования корпорации как юридического лица, отличного и отдельного от своих акционеров, а когда, с другой стороны, так же бесстрашно игнорировать это...

Все авторы, занимающиеся проблемами корпоративного права, соглашаются с тем, что в определенных случаях и в определенное время корпорация должна рассматриваться как единое целое, совершенно отдельное от своих акционеров. Практически все авторы также согласны с тем, что в некоторых случаях эту теорию сущностей следует игнорировать. Иногда мы рассматриваем корпорацию как единое целое, а иногда – как совокупность людей. Когда следует придерживаться концепции юридического лица, а когда – пренебрегать? Идея – это не «simsim», который откроет все ворота. Когда его использовать, а когда игнорировать – это дилемма сегодняшнего дня...», – пишут в зарубежной литературе [47].

Николас Б. Аллен в «Обратном прорыве корпоративной завесы: прямой путь к справедливости» описал, при каких обстоятельствах американские суды применяют доктрину снятия (прокола) корпоративной вуали: Все корпорации существуют за «корпоративной пеленой» и имеют право на юридическое предположение, что действия корпорации независимы от действий акционеров. Это гарантирует, что акционеры или другая корпорация освобождаются от ответственности за действия корпорации. Такое предположение об ограниченной ответственности есть «правило, а не исключение».

Однако ограниченная ответственность имеет свои пределы. Когда корпорация используется в качестве прикрытия от ответственности или для незаконного бизнеса, суды будут использовать свои справедливые полномочия при применении «одинаково фундаментального принципа»

проникновения за корпоративный покров. Проникновение за корпоративный покров позволяет «пробить вуаль» ограниченной ответственности для того, чтобы привлечь акционера к ответственности за недобросовестное поведение корпорации.

Цель «традиционного прокола вуали» заключается в том, чтобы добиться справедливого результата. Такая теория хорошо зарекомендовала себя и, несмотря на некоторые различия в формулировках, повсеместно соблюдается во всех американских судах. Однако, пронзая корпоративную вуаль, появляется внешнее ограничение на это предположение. «Прокол вуали не является отдельным основанием для иска против корпорации, а «скорее ... утверждение фактов и обстоятельств, которые убедят суд возложить корпоративные обязательства на ее владельцев».

Хотя между законодательством отдельных американских штатов существуют небольшие различия, для традиционного заявления о проколе вуали обычно требуется, чтобы владельцы осуществляли полное господство над корпорацией при совершении сделок, и такое доминирование использовалось для совершения мошеннических действий или правонарушения в отношении истца [42]. Если истец докажет эти элементы, суд налагает ответственность на человека, потому что корпорация является просто «инструментом» или «alter ego» его владельца.

Первый способ пробить корпоративную завесу – используется, когда владельцы используют корпоративную форму для продвижения своих собственных личных целей. Контроля, который обусловлен владением акциями, и управлением недостаточно, чтобы показать доминирование. Необходимо чтобы предпринимаемые действия не отвечали интересам корпорации, и подтверждали, что корпорация является простым alter ego.

Хотя открытие, что корпорация – это alter ego, обязательно зависит от обстоятельств каждого дела, судами определены факторы, свидетельствующие о доминировании:

- отсутствие корпоративных формальностей;
- недостаточная капитализация;
- объединение средств;
- совмещение в собственности, директора и персонал;
- общий адрес, офисные помещения и другие подобные признаки.

Установление доминирования зависит от совокупности обстоятельств, поэтому ни один фактор не является решающим.

Как только доминирование установлено, истец, пытаясь пронзить завесу должен доказать, что акционер использовал доминирование с целью совершения обмана или неправомерных действий в отношении истца. Иными словами, истец должен доказать, что приверженность суда к отдельному существованию корпорации будет способствовать мошенничеству ответчика или поощрению несправедливости.

Этот элемент не требует наличие факта мошенничества, достаточно указания на намерения. Скорее, истцам нужно только показать, что удержание корпоративной формы приведет к несправедливым последствиям [42].

Несправедливыми последствиями может быть нарушение закона или другая положительная юридическая обязанность, нечестное или несправедливое действие в нарушение законных прав истца или явное злоупотребление корпоративной формой, включая намерение использовать корпорацию в качестве прикрытия для мошенничества. Простая неспособность взыскать по судебному решению не является несправедливым последствием, поскольку этот риск присущ всем сделкам с юридическими лицами.

Резюмируя вышеизложенное, приходим к выводу, что основополагающим принципом оправдания игнорирования теории сущности являются злоупотребления.

Проникновение за корпоративную вуаль позволяет пробить «вуаль» ограниченной ответственности для того, чтобы привлечь акционера к ответственности за поведение корпорации.

Главный принцип доктрины «снятия корпоративной вуали» заключается в следующем: если будет установлено что компания это alter ego, то самостоятельность такой компании игнорируется, а ее участник несет личную ответственность.

В Великобритании для «снятия корпоративной вуали» (lifting corporate veil) применяются аналогичные критерии, такие как применение незаконных и мошеннических схем с участием компании; использование компании с целью уклонения от исполнения обязанности перед кредиторами; искусственное разделение бизнеса на несколько формально независимых юридических лиц. Английские суды более сдержанно относятся к доктрине – применяют ее в исключительных случаях, когда другие правовые средства защиты кредиторов исчерпали себя.

Вместе с тем, практика привлечения к ответственности участника как фактического директора в судах Великобритании не редкость. Кроме того, применяются и другие подходы, позволяющие решать сходные с концепцией «проникновения за вуаль» задачи. Допустимость привлечения участников корпорации к солидарной ответственности предусмотрена в процедуре банкротства, которая, впрочем, применяется в той или иной степени во многих правопорядках.

В отличие стран англо-американской правовой системы, где прецедент среди всех источников права является доминирующим, в государствах романо-германской правовой семьи основным источником права является закон (нормативный правовой акт). Если первым присуща законотворческая функция, то в странах континентального права такая функция монопольно принадлежит законодателю.

В Германии и Нидерландах суды руководствуются законами (нормативно-правовыми актами), и только в крайних случаях при наличии пробелов в законодательстве прибегают к судебной практике.

Относительно положений ответственности контролирующих лиц по обязательствам общества, то в законодательстве Германии они отсутствуют. Закон об акционерных обществах (Aktiengesetz) предусматривает ответственность доминирующего общества посредством ежегодной компенсации убытков (§ 302 Aktiengesetz) подконтрольной организации. При этом механизм компенсации зависит от того, каким образом происходит контроль - официально, на основании договора о подчинении (Beherrschungsvertrag) или фактически (без договора).

В случае фактического контроля – ответственность по обязательствам подчиненного общества может быть возложена на участников материнского общества. Ответственность акционеров относится к компании, а не к ее кредиторам, поскольку убытки последних составляют отражающий характер.

По аналогии с доктриной «снятия корпоративной вуали» в Германии была сформирована теория «проникающей ответственности». Критерии ее применения по своей сути не отличаются от критериев применения доктрины «снятия корпоративной вуали», это:

- «использование учредителем имущества организации как своего личного (невозможность разделения имущества);
- злоупотребление корпоративной формой юридического лица;
- формальное разделение бизнеса, в то время как фактически организация и контролирующие ее лица представляют собой единое целое (например, группа компаний с одними и теми же директором, работниками, офисом и прочее);
- вмешательство в деятельность организации, которое негативно сказывается на способности ее дальнейшего функционирования» [39].

§ 826 Гражданского уложения Германии от 18 августа 1896 года предусматривает общую норму ответственности за причинение вреда. Доктрина «проникающей ответственности» разрабатывалась в первую очередь для «компаний одного лица», поскольку законодательство о группах компаний не решает проблему злоупотреблений со стороны физических лиц в таких компаниях. Таким образом, «проникающая ответственность» применяется судами Германии в случае, если законодательство о группах компаний не обеспечивает защиту кредиторов.

В отличие от Германии в Королевстве Нидерланды доктрина «проникающей ответственности» в отношении контролирующих лиц более распространена, в то же время также как в Германии законодательно не урегулирована и является продуктом судебной практики.

Решения судов, где была применена концепция «проникающей ответственности», в большинстве случаев свидетельствуют о том, что она воспринимается как разновидность деликтной категории [45]. Применение деликтной ответственности основано на том, что контролирующее корпорацию лицо обязано учитывать интересы ее кредиторов [46].

В Нидерландах также используются критерии недостаточной капитализации и невозможность отделения имущества компании от имущества участника и создание видимости кредитоспособности зависимых компаний.

В Китае также провозглашен принцип имущественной обособленности организации и ее учредителей. Положения о солидарной ответственности участников организаций в 2005 году введены в Закон КНР «О компаниях» 1993 г.

Статья 20 Закона о компаниях устанавливает общий принцип оснований для оправдания «прокалывания вуали»:

Во-первых, это недокапитализация, при которой либо акционер не сделал адекватные взносы в уставный капитал компании или такой капитал,

включая корпоративные денежные средства и активы, был ненадлежащим образом выведены из компании акционером.

Во-вторых, компания использовалась как устройство для уклонения от договорных обязательств. Это происходит, когда акционер, который должен воздерживаться от каких-либо действий в соответствии с соглашением об отсутствии конкуренции или соглашении о конфиденциальности, инкорпорирует компанию с целью уклонения от выполнения своих обязательств. Другой пример - когда акционер использует компанию для обмана кредиторов.

Третья ситуация возникает в обстоятельствах, когда компания является средством уклонения от законодательных ограничений и связана с незаконной деятельностью, такой как уклонение от уплаты налогов или отмывание денег.

Наконец, было высказано предположение, что прокол вуали может происходить там, где имело место отсутствие формальности или неразбериха в делах. В таких случаях сам акционер игнорирует отдельную правосубъектность компании и делает компанию alter ego акционера. Это может включать контроль над компанией, так что при принятии решений полностью преобладает акционер, или имеет место путаница или смешение активов, бизнес, дела и даже управленческий персонал компании и акционер. Понятно, что указанные случаи, когда прокол вуали может иметь место, параллельны случаям в других юрисдикциях. Тот факт, что доктрина прокалывания корпоративной завесы служит лишь дополнением, принцип отдельной правосубъектности закона о компаниях определяет, что применение доктрины должно быть исключительным [46].

Участник компании с ограниченной ответственностью несет солидарную ответственность по обязательствам компании, если он не может подтвердить обособленность имущества компании от личного имущества.

В законодательстве КНР положения о солидарной ответственности сформулированы в общем виде, при этом реализация механизма построена по принципу, присущему государствам прецедентного права, таким, как США и Великобритания. Китайские суды с энтузиазмом относятся к проколу корпоративной вуали, или, по крайней мере, китайские судьи явно гораздо более склонны пробить завесу компании и переложить ответственность на ее владельцев на основании установленных законом норм, чем их коллеги по общему праву, опирающиеся на судебные доктрины [46].

Очевидно, что решающая роль в вопросе ответственности контролирующих лиц предоставлена судам, поскольку в каждом конкретном деле необходимо соблюсти принцип равновесия, когда на одной чаше весов - право кредиторов на максимально полное и справедливое удовлетворение требований, на другой – фундаментальный принцип разграничения ответственности юридических лиц и ответственности участников.

Рустем Мифтахутдинов отметил, что: «в части субсидиарной ответственности российский законодатель не заимствует зарубежный опыт, а выступает пионером разработки правовых подходов... Ни в одной юрисдикции эти вопросы не кодифицированы, не объединены, не систематизированы так, как они сегодня систематизированы у нас в главе III.2» [36].

Вместе с тем, несмотря на положительную динамику в части привлечения к субсидиарной ответственности, процент удовлетворения требований кредиторов в процедурах банкротства, все же остается на низком уровне.

3.2 Некоторые проблемы привлечения контролирующих лиц к ответственности

Как уже ранее отмечалось в данной работе, наибольшие трудности в реализации механизма субсидиарной ответственности вызывают следующие категории – определение момента наступления признаков объективного банкротства и определение реального контролирующего лица должника.

Термин «объективное банкротство» впервые появился в определении Верховного Суда РФ от 20.07.2017 №309-ЭС17-1801 по делу №А50-5458/2015 определявший как: «критический момент, в который должник из-за снижения стоимости чистых активов стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по уплате обязательных платежей».

Затем в Постановлении Пленума №53 Верховный Суд РФ указал что, объективное банкротство – это: «момент, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов». В настоящее время суды придерживаются данного подхода.

Здесь опять же возникает вопрос, на какой момент определять реальную стоимость активов? Как доказать, что именно в этот момент размер обязательств превысил реальную стоимость активов должника. Как правило, с момента, когда должник стал обладать признаками объективного банкротства и до введения процедуры конкурсного производства (когда выясняется реальная стоимость активов должника путем проведения инвентаризации и оценки выявленного имущества) проходит приличное количество времени. Это может быть не год и не два и даже не три.

Поскольку законодательством не закреплены понятие и квалифицирующие признаки объективного банкротства все более

актуальным встает вопрос его определения. Сложившаяся судебная практика свидетельствует о множестве вариантов его восприятия. Здесь значение имеет все: наличие у организации признаков неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества, наличие и размер просроченной задолженности перед кредиторами, величина чистых активов организации, период времени и причины снижения стоимости чистых активов по данным бухгалтерского учета. При этом следует иметь в виду что, бухгалтерский баланс лишь отражает общие сведения об активах и пассивах в определенном отчетном периоде, а превышение обязательств над активами еще не свидетельствуют о невозможности удовлетворения требований кредиторов, и прочее [40].

Очевидно, что совокупность всех указанных обстоятельств необходимо рассматривать в каждом конкретном обособленном споре с учетом его уникальности (о чем как раз и говорил Верховный суд РФ). И вряд ли возможно уместить все возможные критерии и обстоятельства в какие-то определенные рамки, закрепленные законодательно. Полагаем, такой подход обеспечит наибольшую гибкость при определении данной категории, и тем самым обеспечит более надежную защиту кредиторов.

Возможно, в данной ситуации нашел бы свое применение опыт Соединенных Штатов Америки в части использования судами так называемых «checklists» – тестов, по которым определяется наличие оснований для «снятия корпоративной вуали», но в отличие от США, где содержание и название таких тестов в разных штатах могут различаться, такой «тест» должен быть единым в виде обобщающего Постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором бы давались разъяснения основных моментов и критериев по вопросу определения признаков объективного банкротства.

Норма Закона о банкротстве, предусматривающая уменьшение размера субсидиарной ответственности номинального руководителя, в случае, если он раскроет реального бенефициара, призвана была облегчить кредиторам

определение реального лица контролирующего должника, в целях привлечения его к субсидиарной ответственности.

Как отметил Константин Чекмышев (заместитель руководителя Федеральной налоговой службы), новелла по досудебной сделке не заработала, при этом выразил надежду, что возможно данная новелла заработает в уголовном праве [36]. В этой связи, заслуживает внимание опыт стран-членов Европейского союза по созданию реестров бенефициаров.

Первый реестр бенефициаров появился в Великобритании - 25 июня 2014 года был принят законодательный акт, в котором оговаривалось создание открытого реестра бенефициарных собственников компаний (PSC Register).

Основная идея введения реестра бенефициаров – установление прямой связи между компанией и конкретным физическим лицом для определения корпоративной структуры владения.

20 мая 2015 года была принята Четвертая Директива Европейского Союза по борьбе с отмыванием денег (Fourth EU Anti-Money Laundering Directive) [43]. В соответствии с Директивой бенефициарным собственником для корпоративных структур является физическое лицо с долей участия более 25%, владеющее или контролирующее корпоративную структуру компании прямо или косвенно. Однако, государства-члены Европейского Союза могут установить более низкий порог владения долями компании. В случае невозможности установить бенефициарного собственника на основе критерия в виде доли участия, то таковым признается лицо, которое занимает высшую руководящую должность. Для трастов, частных фондов и подобных структур бенефициарным собственником признается учредитель, доверительный собственник, протектор и другие лица, которые осуществляют контроль над структурой.

Государства-члены должны обеспечить хранение информации о бенефициарном владении в центральном реестре, в соответствии с законодательством Союза [43].

19 июня 2018 года в официальном журнале Европейского Союза была опубликована пятая директива ЕС по борьбе с отмыванием денег Anti-Money Laundering Directive (5AMLD) [44].

Пятая Директива о борьбе с отмыванием денег (5AMLD) вступила в силу 10 января 2020 года и служит для решения новых проблем, выявленных после Четвертой Директивы о борьбе с отмыванием денег, которая вступила в силу еще в 2017 году. В директиве отмечается, что это новое законодательство отчасти является ответом на террористические атаки, которые произошли в государствах-членах ЕС за последние несколько лет, а именно в Великобритании, Франции и Бельгии. Стоит отметить, что 5AMLD не внес никаких изменений в штрафные санкции, применяемые за нарушения, однако круг фирм/лиц, которые будут пойманы этим регулированием, расширился.

Новое постановление обеспечивает большую прозрачность финансового сектора в отношении бенефициарного владения с акцентом на бенефициарное владение трастами. Данные фирм о бенефициарных владельцах будут доступны для компетентных органов (например, FCA) и поставщиков услуг профессионального сектора, таких как банки и другие лица, которые могут продемонстрировать законный интерес. К той же информации может получить доступ любой представитель общественности без необходимости демонстрировать законный интерес. Это создает дополнительные препятствия для предпочтительного метода отмывания денег во всем мире в рамках процесса должной осмотрительности клиента.

Здесь важно отметить, что за невыполнение требований по не предоставлению информации о бенефициарах, в странах-членах ЕС предусмотрена уголовная ответственность.

В Российской Федерации единая база, обратившись к которой можно было бы получить информацию о контролирующих должника лицах, отсутствует.

21 декабря 2016 года в России вступили в силу изменения в Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» об обязанностях юридического лица раскрывать информацию о своих бенефициарных владельцах (ст. 6.1).

В соответствии с п.8 ст.6.1. Федерального закона 115-ФЗ, под бенефициарным владельцем понимается физическое лицо, которое в конечном счете прямо или косвенно (через третьих лиц) владеет (имеет долю участия более 25%) юридическим лицом, либо имеет возможность контролировать его действия.

О бенефициарном владельце юридическое лицо должно располагать следующей информацией:

- фамилия, имя, а также отчество (если иное не вытекает из закона или национального обычая), гражданство, дата рождения;
- реквизиты документа, удостоверяющего личность; данные миграционной карты, документа, подтверждающего право иностранного гражданина или лица без гражданства на пребывание (проживание) в Российской Федерации;
- адрес места жительства (регистрации) или места пребывания;
- идентификационный номер налогоплательщика (при его наличии).

В соответствии с п.7 ст.6.1 Федерального закона №115-ФЗ информация о бенефициарных владельцах юридического лица раскрывается в его годовой бухгалтерской отчетности в случаях и порядке, предусмотренных законодательством РФ.

Организации, согласно пункту 27 Положения по бухгалтерскому учету (далее – ПБУ) 4/99 «Бухгалтерская отчетность по организации»,

утвержденного приказом Минфина России от 06.07.1999, должны раскрывать данные о бенефициарных владельцах в пояснениях к бухгалтерскому балансу и отчету о финансовых результатах.

Порядок раскрытия информации установлен ПБУ 11/2008 «Информация о связанных сторонах», утвержденным приказом Минфина России от 29.04.2008 №48н.

Неисполнение юридическим лицом обязанностей по установлению, обновлению, хранению и представлению информации о своих бенефициарных владельцах либо о принятых мерах по установлению в отношении своих бенефициарных владельцев сведений, определенных законодательством Российской Федерации, по запросу уполномоченного органа (Росфинмониторинга) или налоговых органов влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от тридцати тысяч до сорока тысяч рублей; на юридических лиц – от ста тысяч до пятисот тысяч рублей, в соответствии со статьей 14.25.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [27].

Таким образом, сведения о контролирующих должника лицах российских организаций найти сложно, но при желании можно, и то если у организации существует обязанность публиковать бухгалтерскую отчетность. Предполагается что, при наличии доступа к сведениям о контролирующих лицах кредиторы смогли бы самостоятельно обращаться с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности, если арбитражный управляющий от предъявления требования уклоняется.

Заключение

Тема субсидиарной ответственности контролирующих лиц будет актуальной всегда, пока существует институт банкротства.

Положения, предусматривающие субсидиарную ответственность, впервые появились в Федеральном законе от 08.01.1998, но именно с введением 29.07.2017 главы III.2 в Закон о банкротстве, эта норма заработала.

Сложившаяся на сегодняшний день судебная практика показала, что это единственный механизм, который позволяет добиваться полного погашения требований кредиторов в деле о банкротстве.

В данной магистерской работе проведено исследование специфики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве организаций, существующих механизмов ее реализации на основе анализа судебной практики сложившейся после последних нововведений, а также выявлены проблемы и подготовлены рекомендации по их преодолению.

В ходе исследования автором были выполнены следующие задачи:

- изучена правовая природа субсидиарной ответственности и особенности правового положения контролирующих должника лиц;
- рассмотрены критерии признания лица контролирующим должника;
- рассмотрены основания и условия привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника - юридического лица
- выявлены положительные и отрицательные аспекты правового регулирования ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов;
- в процессе сравнительного анализа зарубежного законодательства, выявлены положения полезные для совершенствования отечественного

правового регулирования субсидиарной ответственности за банкротство.

В нашем исследовании мы установили, что осмысление правовой природы субсидиарной ответственности как деликтной, то есть самостоятельной (основной) ответственности контролирующего лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица, позволило расширить круг лиц, привлекаемых к такой ответственности. Так стало возможным, например, привлекать наследников умершего контролирующего должника лица. Критерии, по которым лицо признается контролирующим должника, максимально расширились, судам предоставлено право признавать лицо контролирующим и по иным основаниям, не изложенным в Законе о банкротстве, исходя из фактических обстоятельств дела. При этом законодатель ограничил круг прав лица, привлекаемого к ответственности. Согласно действующей редакции Закона о банкротстве, лицо, в отношении которого в рамках дела о банкротстве подано заявление о привлечении к ответственности, имеет права и несет обязанности лица, участвующего в деле о банкротстве, как ответчик по этому заявлению.

Новая редакция Закона о банкротстве не устанавливает новые основания для привлечения к субсидиарной ответственности, а содержит положения, которые раскрывают порядок доказывания.

Введенные пунктом 2 статьей 61.11 в Закон о банкротстве презумпции, позволяют облегчить доказывание оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, то есть содержат прямой вывод о том, что именно определенные действия (бездействие) контролирующего должника лица повлекли невозможность полного погашения требований кредиторов.

Норма закона о банкротстве, предусмотренная подпунктом 2 пункта 12 статьи 61.11, по мнению автора, компенсирует нерабочую норму уголовного права – части 1, 2 статьи 195 Уголовного кодекса Российской Федерации

(далее – УК РФ). Данная норма уголовного кодекса предусматривает ответственность за неправомерные действия при банкротстве, если такие действия причинили крупный ущерб.

Для привлечения к уголовной ответственности по статье 195 УК РФ необходимо соблюдение двух условий – наличие признаков банкротства и крупный ущерб, причиненный неправомерными действиями. Для привлечения к субсидиарной ответственности по подпункту 2 пункта 12 статьи 61.11 Закона о банкротстве необходима совокупность тех же условий – наличие признаков банкротства и существенность причиненного ущерба совершенными деяниями. Только для целей привлечения к уголовной ответственности ущерб должен составлять не менее 2 500 000.00 руб., в то время как существенность ущерба для целей привлечения к субсидиарной ответственности, должна оцениваться применительно к масштабам деятельности юридического лица.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие проблемы:

- поскольку законодательством не закреплены понятие и квалифицирующие признаки объективного банкротства вопрос его определения вызывает сложности. Определение момента возникновения признаков объективного банкротства требует детального изучения режима и специфики деятельности должника, а также то, что финансовые трудности в определенный период могут быть вызваны преодолимыми временными обстоятельствами;
- причастность реального бенефициара (выгодоприобретателя) к причинению имущественных потерь на стороне кредиторов сложно доказуемо.

Очень часто недобросовестные действия в процедурах банкротства становятся возможными из-за зависимости арбитражных управляющих от бенефициаров должника.

В процессе сравнительного анализа зарубежного законодательства и иностранных судебных доктрин выявлены положения, которые могли бы быть полезными для совершенствования отечественного правового регулирования субсидиарной ответственности за банкротство.

В целях преодоления выявленных проблем, нам представляется возможным перенять некоторый опыт зарубежных стран, в частности:

– опыт США в части использования судами так называемых «checklists» - тестов, по которым определяется наличие оснований для «снятия корпоративной вуали». Но в отличие от США, где содержание и название таких тестов в разных штатах могут различаться, такой «тест» должен быть единым в виде обобщающего Постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором бы давались разъяснения основных моментов и критериев по вопросу определения признаков объективного банкротства.

– опыт стран-членов Европейского союза по созданию реестров бенефициаров. Предполагается что, при наличии доступных сведений о контролирующих лицах кредиторы смогли бы самостоятельно обращаться с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности, если арбитражный управляющий от предъявления требования уклоняется, либо занимает недостаточно активную позицию.

Подводя итог выше изложенному, полагаем, что цель работы - изучение специфики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве организаций, изучение существующих механизмов ее реализации на основе анализа судебной практики, а также выявление проблем и подготовка рекомендаций по расширению возможностей исполнения обязательств юридического лица в условиях несостоятельности выполнена, поставленные задачи решены в полном объеме.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Консультант плюс: справочно-правовая система.
2. Бычкова Е.Н. Правомочия лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, на обжалование судебных актов в деле о банкротстве должника // Арбитражные споры. 2020. №4 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
3. Горбашев И.В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 4.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. 30.11. 1994 года №51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Консультант плюс: справочно-правовая система.
5. Добрачев Д.В. Проблемы судебной практики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедуре банкротства // Инфотропик Медиа. 2019.
6. Карелина С.А. Признаки объективного банкротства, используемые при определении оснований привлечения к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица // Хозяйство и право. 2020. № 3.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант плюс: справочно-правовая система.
8. Курбатов А. Субсидиарная ответственность руководителей при несостоятельности (банкротстве) возглавляемых ими кредитных организаций // Хозяйство и право. 2007. № 7.

9. Лотфуллин Р.К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве / Р.К. Лотфуллин // Учебное пособие. 2018.

10. Ломакин Д.В. Контроль как форма зависимости юридических лиц / Д.В. Ломакин // Хозяйство и право. 2018. № 2.

11. Мороз. А. Круг субъектов расширился. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц неотвратима // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 4. С. 6-11.

12. Морхат П.М. Субсидиарная ответственность номинальных директоров: анализ практики арбитражных судов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 3.

13. Морхат П.М. Субсидиарная ответственность в делах о банкротстве как самостоятельная (основная) ответственность контролирующего должника лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 4.

14. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 29.07.2017 №266-ФЗ// Консультант плюс: справочно-правовая система.

15. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

16. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016)// Консультант плюс: справочно-правовая система.

17. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

18. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

19. О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ: Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ // Консультант плюс: справочно - правовая система.

20. Определение Арбитражного суда Республики Хакасия от 25.01.2021 по делу А74-2633/2019 [Электронный ресурс] // Картоoteca Арбитражных дел // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

21. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2018 № 306-ЭС17-13670(3) по делу № А12-18544/2015 [Электронный ресурс] // Картоoteca Арбитражных дел// URL: <https://kad.arbitr.ru/>

22. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.09.2019 № 305-ЭС19-10079 по делу №А41-87043/2015 [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

23. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2019 № 303-ЭС19-15056 по делу №А04-7886/2016 [Электронный ресурс] // Картоoteca Арбитражных дел// URL: <https://kad.arbitr.ru/>

24. Определение Верховного Суда РФ от 25.09.2020 № 310-ЭС20-6760 по делу №А14-7544/2014 [Электронный ресурс] // Картоoteca Арбитражных дел// URL: <https://kad.arbitr.ru/>

25. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.11.2020 № 305-ЭС20-17207 [Электронный ресурс] // Картоoteca Арбитражных дел// URL: <https://kad.arbitr.ru/>

26. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.05.2020 №1105-О [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26052020-n-105-o/>

27. Письмо Росфинмониторинга от 29.07.2019 №01-04-05/17015//
Консультант плюс: справочно-правовая система.

28. Попондопуло В.Ф., Силина (Слепченко) Е.В. Ответственность
руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве // Судья. 2018. № 4.

29. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от
27.09.2019 № Ф01-4591/2019 по делу №А43-7702/2013 [Электронный ресурс]
// Картоoteca Арбитражных дел// URL: <https://kad.arbitr.ru/>

30. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от
28.01.2020 №Ф02-6862/2019 по делу №А74-3267/2017 [Электронный ресурс]
// Картоoteca Арбитражных дел // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

31. Постановление Арбитражного суда Московского округа от
18.10.2018 по делу А40-130472/17. [Электронный ресурс] // Картоoteca
Арбитражных дел// URL: <https://kad.arbitr.ru/>

32. Постановление Арбитражного суда Московского округа от
24.08.2020 №Ф05-6357/2020 по делу №А40-299816/2018 [Электронный
ресурс] // Картоoteca Арбитражных дел// URL: <https://kad.arbitr.ru/>

33. Постановление арбитражного суда Поволжского округа № Ф06-
18340/2017 от 30 марта 2017г. по делу А12-26858/2013 [Электронный ресурс]
// Картоoteca арбитражных дел // URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения
06.11.2021)

34. Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от
04.02.2020 № Ф07-17265/2019 по делу № А56-6358/2015 [Электронный
ресурс] // Картоoteca Арбитражных дел// URL: <https://kad.arbitr.ru/>

35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 №53
«О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих
должника лиц к ответственности при банкротстве» // Консультант плюс:
справочно-правовая система.

36. Привлечение к ответственности контролирующих и зависимых лиц
в банкротстве [Электронный ресурс] (дискуссия под председательством

Федеральной налоговой службы РФ) 16.05.2019: URL: https://spblegalforum.ru/ru/2019_Video// (дата обращения 28.10.2021).

37. Разумов И.В. Законодательство о банкротстве требует не точечного, а системного реформирования // Вестник арбитражного суда Московского округ. 2019. №3.

38. Рекомендации, принятые по итогам семинара-совещания по актуальным вопросам применения законодательства о несостоятельности (банкротстве), состоявшегося 24-25.10.2019, г. Омск, утверждены на заседании президиума Арбитражного суда Западно-Сибирского округа 06.03.2020 (с учетом изменений, утвержденных президиумом суда округа 19.06.2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://faszso.arbitr.ru/node/15113>

39. Рыков И.Ю. Субсидиарная ответственность: тенденции современного менеджмента // М.: Статут, 2019.

40. Середа А.Г., Середа А.М. Механизм правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: монография // Статут, 2020.

41. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ. (ред. от 01.07.2021) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

42. Allen N.B. Reverse Piercing of the Corporate Veil: A Straightforward Path to Justice // St. John's Law Review. 2011. Vol. 85. Is. 3. P. 1154, 1156.

43. Anti-money laundering directive IV (AMLD IV) [Электронный ресурс]// URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/> (дата обращения 28.10.2021)

44. Anti-money laundering directive V (AMLD V) [Электронный ресурс]// URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/> (дата обращения 28.10.2021)

45. Lennarts M.L. Concernaansprakelijkheid. P. 373; Lohman S.H.A. Duties and Liabilities of Directors and Shareholders under Netherlands Law. P. 128; Van Dongen R.C. Identificatie in het rechtspersonenrecht. P. 312, 321;

Vandekerckhove K. Piercing the corporate veil: A transnational approach. P. 25—
26.

46. Vanderkerckhove K. Piercing the Corporate Veil: A Transnational Approach: Wolters Kluwer, 2007. P. 14.

47. Wormser M. Piercing the Veil of Corporate Entity // Columbia Law Review. 1912. Vol. 12. P. 496 - 518.